
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИИ

В.А. Волконский

Наличие системы представлений об устройстве общества и истории, смысловых и нравственных установок (идеологии), объединяющих, консолидирующих общество, является важнейшей движущей силой социального и экономического развития. В статье предлагается система наиболее общих постулатов, фактов и тенденций современной экономической и политической ситуации, которая, по мнению автора, могла бы стать базой для идеологических дискуссий и дальнейших разработок. Основной характеристикой (и задачей) идеологической концепции для наступающего исторического периода автор считает обоснование возможностей геополитического и геоэкономического развития при сохранении мира, без мировых, региональных, гражданских войн, поиск путей преодоления противоречий и конфликтов в пределах духовно-интеллектуальной и культурной сферы.

Ключевые слова: духовно-идеологическая сфера, цивилизационные полюса, элиты, экономическая открытость, автаркия крупных регионов, финансовая система, социальные кластеры, рыночный механизм, планирование.

В настоящее время в России крайне актуальна древняя мудрость: «Никакой ветер не будет попутным для корабля, команда которого не знает, куда ему плыть». Это не значит, что не определилась позиция современной России в расстановке мировых сил. Речь идет о настоятельной потребности в продумывании, прояснении, согласовании общей системы целей, ценностей, идеалов, концепции, которая работала бы на объединение российского общества и укрепляла бы веру в преодоление тех расколов и разломов, которые в свое время привели к крушению великой страны,

позволила бы направлять силы разных групп и слоев в народе на поиск взаимного понимания и сотрудничество, а не на борьбу друг с другом. Идеологическое единство народа, особенно управляющей элиты, – критически важное условие для достижения высоких темпов экономического развития.

Единство народа, его творческий, созидательный настрой обеспечиваются далеко не только интересами повышения своего личного и семейного благосостояния или экономическими успехами своего предприятия, своей корпорации. Важнейшую роль играют такие факторы, как религия, национальная культура, любовь к достижениям своей истории, к сложившимся традициям и стереотипы межличностных отношений. Все это можно назвать духовными факторами, *объединяющей духовностью*. Важной частью духовности является идеология.

Идеология – опирающаяся на те или иные научные теории об устройстве общества и истории система представлений, которая кроме положений науки содержит ценностно-нравственные, смысловые оценки и ответы на вопросы, что есть «добро» и «зло», за какое устройство общества стоит бороться, что делать.

Идеология должна содержать образ общественного устройства, отвечающего представлениям об обществе правды и справедливости, вызывающий желание жить и трудиться в стране, а не покинуть ее или готовить революцию. Нужна система принципов «идеального», или «нормального», общества, к реализации которых будут стремиться те, кто готов объединиться на базе принятой идеологии. Сейчас у России нет общепринятой, разделяемой большинством ее граждан идеологии. Речь, конечно, не идет о выработке «единственно правильной» системы взглядов или об общеобязательной государственной идеологии¹. Наоборот, обществу сейчас нуж-

¹ В ст. 13 Конституции РФ записано: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

на именно активизация обсуждений. Выявление, сопоставление, взаимная адаптация идеологических установок, которыми руководствуются различные группы и социальные слои в своей ежедневной деятельности. Такое обсуждение начато в нашем журнале публикацией статьи академика В.М. Полтеровича (Полтерович, 2014). В настоящей статье предлагаются тезисы по более широкому кругу вопросов. Более развернутое изложение многих проблем имеется в монографиях (Макаров, 2010; Волконский, 2014).

1. ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

1.1. Конец однополярного мира

Важнейший процесс, происходящий сейчас в мире, – окончание эпохи однополярного мира (во главе с США), возникшего после крушения СССР и социалистической системы, и начало периода становления *многополярного мира*.

Этот перелом несет всему человечеству и, в частности, России как новые возможности (и надежды), так и опасности новой, третьей мировой войны. Новые полюса силы и влияния, формирующиеся на основе незападных цивилизаций, представляют в основном развивающиеся страны – страны, «догоняющие» лидирующий Запад. На протяжении последних десятилетий они развивались быстрее, чем развитые страны. Развивающиеся страны, как правило, заинтересованы в мире и стабильности. В мировой властвующей элите (в первую очередь в США) есть влиятельные силы, которые готовы отстаивать любыми средствами свое господствующее положение в мире и возможность навязывать свое представление о мировом порядке другим странам.

Несмотря на эффективное «догоняющее развитие» Китая и стран третьего мира, разрыв в экономическом и политическом положении разных социальных страт и цивили-

зационных сообществ не сокращается, а расширяется. Неравенство между бедными и богатыми в возможностях реализации своего человеческого потенциала увеличивается. Капиталистическая система к настоящему времени превратилась в мировую централизованную империю, обладающую всеми признаками монополии. Ее центр состоит из нескольких сотен финансово-промышленных (ФПГ, а точнее, как правило, финансово-политических групп) и банковских групп, связанных друг с другом перекрестным владением собственности и контролирующими все остальные компании² в мире (или из «300 семейств», по свидетельству Дж. Колемана). Их представители регулярно собираются для координации своих важнейших решений (например, ежегодные собрания Бильдербергского клуба).

Разрыв в богатстве и доходах в капиталистическом мире в начале XXI в. поражает воображение. Существование СССР и стран социалистического содружества с низкими показателями дифференциации доходов заставляло государства развитых капиталистических стран проводить политику ограничения разрывов в доходах. С 1940-х гг. разрывы в доходах стали быстро сокращаться и в период холодной войны держались на достаточно низком уровне до перехода США и стран ЕС к политике агрессивного либерализма Рейгана–Тетчер в 1980-е гг. (период горбачевской перестройки в СССР). В тот период стало привычным считать, что слишком большие разрывы в доходах характерны только для периферийных стран. Российские экономисты привыкли пользоваться для измерения дифференциации доходов отношением средних доходов крайних децилей, т.е. отношением доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных. Этот показатель в современной России, по оценкам Росстата, составляет 14–16 раз. Но с точки зрения политических проблем важнее показатель отрыва уровня доходов узкого слоя, 1 или

² Анализ имеющихся данных см., например, на сайте <http://pravosudija.net>.

0,1%, самых богатых от среднего дохода по всему населению³. В США эти показатели к 2010 г. достигли соответственно 18 и 320 раз. Эти значения превосходят показатели периода Великой депрессии – конца 1920–1930-х гг.

В условиях доминирования «денежно-финансовых» ценностей и смыслов в общественном сознании либеральные принципы и демократические механизмы общественного устройства легко фальсифицируются. Вследствие господства денежно-финансовой капиталистической системы и развития технологий манипулирования общественным сознанием узкий слой мировой властвующей элиты (руководители ФПГ, банковских групп и СМИ, политики, идеологи) обладает властью, какой не обладала ни одна империя в прошлом. Такая концентрация власти и богатства создает угрозу для стабильности сложившегося экономико-политического порядка и для самого существования человечества.

1.2. Тенденции и проблемы в духовно-идеологической сфере

Силы (в первую очередь экономические), толкающие страны и организации к укреплению связей и единству, конечно, не ослабнут и не перестанут действовать. Мало того, именно необходимость обеспечения единства человечества ведет к смене эпохи *глобализации по-американски* – эпохой многополярного мира. На деле современная глобализация ведет не к объединению, а к разделению, дроблению исторически сложившихся культурно-цивилизационных комплексов, поскольку она основывается не на объединяющей, а на разъединяющей духовно-идеологической установке. Создание капиталистической системы с рыночно-финансовым конкурентным механизмом функционирования экономики, с приоритетной установкой на материальное и денежное обогащение спо-

собствовало гигантскому историческому рывку в развитии человечества, в первую очередь в познании и преобразении материальной среды его существования. Между тем наряду с успехами экономического и культурного прогресса капиталистическая система принесла человечеству и тяжелые негативные последствия. Причем основную тяжесть в этом плане несут незападные страны. В настоящее время большинство философов, культурологов, искусствоведов констатируют смысловой кризис, даже духовно-идеологический вакуум. Его истоком, причиной является безраздельное доминирование в смысловой сфере *стремления к материальному богатству и власти*.

Можно признать, что проблема удовлетворения основных физиологических потребностей в связи с достижениями в научно-технологической и экономической сферах постепенно теряет свое приоритетное значение. И обостряется духовная проблема *поиска смысловой замены материально-прагматической установки*, по крайней мере ограничения ее безраздельного доминирования. Эта проблема стоит перед массами, которые отчуждаются от результатов своей деятельности и от участия в истории. Эта же проблема стоит и перед национальными элитами, которые, будучи оторваны, отчуждены от своих народов, лишаются главного смысла своего существования.

В мире капиталистического империализма большая часть человечества лишается своих традиционных смысловых, культурных и ценностных ориентиров. Мировая властвующая элита больше не несет миру новых идей и смыслов. Она получила подавляющую часть выгоды от капиталистического «рывка», и ее главной целью стало сохранение своего господствующего положения. Субъекты глобализации продолжают использовать силовые методы для достижения своих целей. Но остальные страны и другие субъекты истории эти методы и эти представления все настойчивее отвергают. Такое положение порождает геополитические и социально-экономические

³ Этот показатель использует А. Айвазов (Айвазов, 2015).

противоречия и конфликты. Опасность для человека обостряется тем, что традиционные приоритеты и «коды» западной цивилизации несут установки на силовое навязывание противникам своего порядка, своих представлений о добре и зле.

В наступающий период основные конфликты перемещаются в сферу духовно-идеологическую, как это происходило в эпохи формирования, создания мировых религий или великих идеологий нового времени (а не в периоды борьбы оформившихся учений и верований). Важнейшая борьба пойдет за победу смыслов и ценностей, в которой факторы материальные, экономические все больше будут выполнять роль инструментов, средств, а не целей. Это дает надежду, что многополярный мир не станет миром постоянных конфликтов, региональных, мировых, гражданских войн, надежду на *мир без больших войн*. Главная война будет войной идеологий, т.е. основную роль будут играть противостояния и конфликты в духовно-интеллектуальной и культурной сфере. Это указывает и важную задачу для формирования идеологической концепции. Возможно, это старая утопия. Но история и движется утопиями.

Смысловый кризис представляет серьезную угрозу в эпоху стремительного научно-технического прогресса, в частности появления новых видов оружия. Периоды духовного упадка сопровождаются деградацией фундаментальных, общепринятых моральных норм и ограничений, разделяемых всем культурным человечеством. Особенно опасна эта тенденция в международных отношениях. В настоящее время явным признаком нравственного упадка служит *привыкание* общества к постоянно выявляющимся фактам лжи в распространяемых на весь мир передачах СМИ и даже в выступлениях высших представителей государств, к сообщениям о массовых убийствах, убийствах детей и женщин, к тайно одобряемым официальными властями операциям геноцида и бесчеловечным пыткам. Оказывается, людей можно даже приучить оправдывать эти факты как необходимые ме-

тоды или орудия в постоянно возникающих межстрановых и межнациональных конфликтах. Никто не удивляется: дескать, так всегда было и всегда будет. Но это неправда!

В периоды, когда большинство народа, искренне верующее в традиционное религиозное учение, или когда оно охвачено энтузиазмом общественного подъема и видит возможность своего в нем участия, тогда моральные нормы и запреты обретают силу и значимость. Сократ знал, что его могут осудить на изгнание или смерть и ему придется выпить яду. И наверняка греки не издевались над пленными персами так, как американские военные над иракскими пленными и террористами и даже над их трупами в 2003 г. н.э. Трудно представить что-то подобное в войне между французами и русскими в 1812 г. или даже в «Мертвом доме», о котором писал Достоевский. Во времена духовного падения увеличивается доля тех, кто готов во имя своих личных или групповых целей отбрасывать рамки общечеловеческой морали и даже создавать деструктивные идеологии типа фашизма, расового превосходства, насильственной исламизации и т.п.

Все сказанное только доказывает, что миру необходимы поиск и формирование духовно-идеологических движений, заряженных новой энергией, или обновление старых. Их опорой могли бы стать научные теории, раскрывающие устойчивые закономерности развития человеческих сообществ, выявляющие черты их сходства и различий и объясняющие их причины, надежно доказывающие их приемлемость для народа или отторжение тех или иных характеристик общественного устройства. К сожалению, пока наука не может похвалиться достаточно надежными результатами такого рода. Пока можно отметить ее успехи в прикладной, а не в фундаментальной сфере.

И, как всегда, в первую очередь развиваются военные приложения научных открытий. Речь идет сегодня об информационно-идеологических войнах. Как показывает мировой опыт последних десятилетий, про-

двинутыми странами и их спецслужбами разработаны и отлажены достаточно надежно действующие «стандартные» технологии (основанные на трудах социальных психологов и политологов), позволяющие активизировать национальные и социально-политические противоречия в странах-противниках, доводя градус социальной напряженности до уровня «цветных революций». Узкие слои властвующей элиты с помощью «креативной» интеллигенции и СМИ манипулируют общественным сознанием, за пару десятков лет переворачивая важнейшие идеологические и ценностные установки на 180 градусов.

Среди левых интеллектуалов широко распространено недостаточно четко осознаваемое, но достаточно прочное убеждение, что главные проблемы могут быть решены, если удастся обеспечить *реальное народовластие*. Поскольку именно народ является носителем правды: «Глас народа – глас Божий». Но как совместить это с фактом постоянного манипулирования общественным сознанием со стороны элиты? Столетие назад представлялось, что меньшинство обманывает народ, поскольку народ не развит, не образован, что подавляется свобода слова, фальсифицируются другие институты демократии. И все это верно. Но не отвечает на следующие вопросы: на чем должна базироваться идеология, какие ставить цели, *что есть истинные интересы и ценности народа*, что дает способность некоторым идеологиям и духовностям сохраняться, возрождаясь после падений, на протяжении веков и даже тысячелетий? В современных понятиях это можно обозначить как ценности национальной культуры и цивилизационные «коды», архетипы коллективного бессознательного, традиционные представления о правде (категория *«справедливость»* сейчас излишне однозначно ассоциируется с «распределением материальных благ»). Скорее всего идеология каждого поднимающегося цивилизационного «полюса» будет формироваться как своеобразный сплав исторических духовных традиций и элементов идеологии социализма.

Диалектика глобализации и многополярного мира состоит в том, что силовое навязывание идеологического, политического и экономического объединения национальных элитарных слоев в «мировую элиту» ведет, особенно в незападных странах, к отрыву элит от большинства своего народа («народы без элит» – термин А.С. Панарина). Этот отрыв элит тормозит процессы духовного и культурного сближения народов. Оживление цивилизационных полюсов создаст более надежную основу для единства человечества.

Необходимо признание реального многообразия человеческих сообществ и его ценности.

Основная целевая, смысловая установка эпохи многополярного мира – поиск возможностей взаимного понимания, учета и восприятия смысловых установок иного культурного полюса, обмена духовно-идеологическими ценностями. Необходима не только установка на расширение взаимовыгодных рыночных связей, но и готовность к безвозмездной помощи в развитии, ради сближения ценностей и смыслов. Эта установка касается как отношений между национальными культурами и цивилизациями, так и отношений между социально-экономическими классами, сословиями, кластерами, а также и между последователями разных религиозных верований и мировоззренческих учений. Все *великие мистики* не придавали значения различию и противостоянию вероисповеданий. Они исходили из того, что исторически реализовавшиеся религии – это ипостаси некоего Единства, или различные пути к Единому.

1.3. О теории экономико-технологических циклов

В настоящее время многие историки и геополитики констатируют, что мир подошел к «точке бифуркации», когда должна произойти *смена механизмов исторического движения и смена эпох*. Конечно, нельзя сказать, что факторы экономико-технологического развития

перестанут играть важнейшую роль. Наиболее плодотворным направлением в изучении этих факторов сейчас представляется применение теории длинных (50-летних) экономико-технологических циклов (кондратьевских волн) (см., например, (Глазьев, 1993)). Одним из лидеров этого научного направления является академик С.Ю. Глазьев. Он разрабатывает теорию смены технологических укладов (ТУ) (см. официальный сайт С.Ю. Глазьева – www.glazev.ru).

Эта теория не является альтернативой представлениям о наступлении эпохи многополярного мира. По моему мнению, обе теории – теория технологических укладов и концепция многополярного мира – должны стать необходимыми органичными частями современной науки о социально-экономическом и социально-политическом развитии. Территориальный (региональный) аспект экономико-технологических циклов подробно исследуется в работах Л. Бадалян и В. Криворотова (см., например, (Бадалян, Криворотов, 2007, 2010)) по теории техноценозов. Эта теория близка теории ТУ; у С.Ю. Глазьева есть и совместные работы с ее авторами. Согласно исследованиям техноценозов в период формирования нового техноценоза (или ТУ) в разных регионах формируются разные кластеры доминирующих технологий и видов продукции, используемого сырья и энергоносителей (в зависимости от географических и исторических особенностей и различий). В дальнейшем имеют место конкуренция между регионами и перекрестное заимствование технических нововведений.

С. Глазьев обосновывает необходимость защиты стратегических активов и внутреннего рынка стран и регионов от «набегов» спекулятивного капитала и описывает механизмы такой защиты. Необходимы формирование защищенной национальной финансово-инвестиционной системы, опирающейся на внутренние источники кредита, разработка и проведение государственной политики, которая отвечает ценностям и нормам национальной культуры и противостоит воздействиям

бездуховной глобализации, разрушающей традиционную нравственность. Таким образом, нет никаких оснований противопоставлять теорию длинных волн, или теорию ТУ, концепции многополярного мира.

Важное отличие работ С. Глазьева и его группы от большинства исследований по данной тематике заключается в том, что кроме чисто научных результатов они предлагают свою разработку конкретных задач практической политики. В формировании государственной политики он участвует непосредственно не только как ученый, но и как один из действующих политиков России, имеющий много сторонников. В работах (Глазьев, 2010, 2011) С. Глазьев выдвигает и подробно доказывает возможность для России, несмотря на ее нынешнее ослабленное состояние, стать одной из лидирующих стран в создании нового шестого ТУ и за счет этого выйти на траекторию устойчивого экономического роста и начать осуществлять стратегию опережающего развития. Он подробно разработал программу такого «скачка» в экономической, политической, идеологической сферах государственной деятельности. В его статьях изложены меры, которые позволили бы изменить экономическую и политическую структуры международных институтов, необходимых для преодоления кризиса. В настоящее время С. Глазьев является ключевой фигурой в идейной разработке и практической реализации создания Таможенного союза и Евразийского союза (в терминах концепции многополярного мира – формирования евразийского «полюса»).

Теория ТУ позволяет идентифицировать важнейшие факторы, в значительной степени определяющие исторический процесс, выделить наиболее эффективное направление усилий. Однако даже подъемы и снижения в 50-летних кондратьевских циклах определяются далеко не только динамикой экономико-технологических факторов. Этой проблеме посвящена моя статья (Волконский, 1992), в которой описаны длинные волны в России начиная с XVII в., которые рассматриваются

как смена периодов доминирования разных политических и культурно-психологических стилей или установок. Есть исследования, авторы которых доказывают существование аналогичных циклов многоаспектной общественной активности в странах Европы за несколько столетий до формирования капиталистической системы. Иными словами, 50-летние (или 25-летние) циклы прослеживаются в те исторические периоды, когда их нельзя объяснить регулярной сменой комплексов доминирующих технологий. По-видимому, это доказывает, что важными причинами, движущими силами циклических изменений могут быть и другие факторы. Как, например, объяснить, что их период в 50 (или 25) лет сохраняется на протяжении столетий, несмотря на кардинальные изменения в сфере технологий, институтов, структуре производства? (Возможно, период постепенно сокращается, но скорость сокращения ничтожно мала.) Одной из гипотез могут быть не изученные пока социально-психологические, экономические, политические механизмы влияния смены поколений – как отличающихся друг от друга культурно-психологических и социальных общностей (период одного поколения близок к 25 годам).

1.4. Универсальные идеологии и духовное многообразие

Экономическая эффективность унификации и стандартизации правил, институтов и стереотипов хозяйственного поведения определяет преимущества единообразия и увеличения масштабов экономических и политических организаций и сообществ. Единообразие политических, идеологических, культурных систем упрощает межличностные контакты, расширяет свободу выбора, возможности сотрудничества. Эти факторы работают в пользу тенденции глобализации.

Они в значительной мере объясняют универсальность и мировой масштаб наиболее влиятельных идеологий, возникших в

капиталистическую эпоху, – *либерализма* и *социализма*. Их важнейшее требование – равенство. Для либералов – равенство возможностей, для социалистов – равенство уровней потребления. Причем это равенство касается в основном материальных условий жизни и деятельности. Обе универсальные идеологии считают различия между индивидами по их принадлежности к разным нациям, классам или сословиям торостепенными, а устранение любых перегородок, барьеров, закрепляющих неравенство привилегий, – желательным и неизбежным. Сторонники либеральной глобализации требуют экономической, финансовой, информационной открытости национальных экономик. Социалисты ставят целью построение бесклассового общества.

Снижение влияния мировых религий за счет победы научного мировоззрения было в значительной мере замещено энтузиазмом, связанным с успехами научно-технического прогресса и тем, что Макс Вебер называл «духом капитализма». Смыслом жизни капиталиста становится дело. Однако в результате господства капиталистической системы значимость материального богатства стала несопоставимо доминирующей над всеми другими ценностями и смыслами. Богатство стало главным фактором, обеспечивающим социальный статус человека, его влияние и власть, фактически вытеснив остальные смыслы и мотивации на второстепенные позиции. Тотальная устремленность всех членов капиталистического общества к прагматизму и максимизации вещественного, материального богатства всегда была одним из важнейших аргументов критиков капитализма и сторонников социализма. Через эту проблему в число сторонников социализма приходили многие деятели культуры, творцы шедевров искусства⁴.

⁴ Одним из выдающихся талантов эпохи борьбы за освобождение художественного творчества от сковывающих норм и требований ханжеской общественной морали, от «деспотизма народа» был Оскар Уайльд. У него есть работа «Душа человека при со-

Капитализм возвысил роль предпринимателя как инициатора и организатора производства. Рынок как главный оценщик и распределитель результатов труда и творчества заставил всех, все человечество заниматься предпринимательством и организацией производства (или стремиться к этому, мечтать об этом). Сейчас для большинства жителей планеты наиболее действенной и понятной ценностью и жизненным смыслом служит установка на достижение личного успеха, повышение социального статуса, обогащение. Возможно, это было необходимо человечеству в период раннего капитализма для развития экономики и технологий.

Но это ли конечное предназначение человека? Сейчас большая часть работы по производству товаров и услуг и управлению им выполняется профессионалами. И справедливо ли, и целесообразно ли, чтобы львиной долей произведенной обществом продукции и финансов распоряжалась та или иная конкретная профессиональная группа? На этот вопрос нет однозначного ответа. Предприниматель – очень важный для общества человек, мы его ценим и уважаем. Но производство материальных благ и услуг – не единственная и не главная цель человечества, не главное занятие человека.

Социализм и его советская реализация показывают другой идеал общества и другой образ будущего для человечества. Советская литература, кино, вся советская культура демонстрируют, что возможно общество, где умножение богатства не занимает такого приоритетного положения в системе ценностей и жизненных смыслов, как при капитализме.

циализме» (Уайльд, 2007). Ее главную мысль можно выразить так. Человек теперь поработан «обязанностью» умножать свое богатство, повышать материальное благосостояние. И это относится как к бедным (общество им говорит: «Стыдно быть бедным!»), так и в еще большей мере – к богатым. Ибо собственность накладывает обязанности, в частности, умножать свою частную собственность. И художник борется за освобождение от тирании собственности.

Для людей важны достижения в других профессиях, любовь и личные отношения, стремление понять, как устроен мир...

Выбор того, что в данный момент важнее и ценнее всего для общества, куда направить средства, как их распределить, должен определять весь народ и все общество. Общество должно быть демократическим, нужно народовластие. Как это осуществить, – особый и сложный вопрос. Но утверждать, что единственный механизм для этого – рынок и частная собственность, явно неверно. Большую долю функций, связанных с распределением и направлением благ и ресурсов, выполняет и должно выполнять государство.

В СССР и других странах социалистического содружества основой духовного подъема становится коммунистическая идеология, предрекающая светлое будущее – без эксплуатации и классовой борьбы. Очевидно, эта идеология и общественная система, построенная в СССР, несмотря на ее реальные экономические и политические успехи, не могут быть воплощены в современном мире. В реку истории нельзя вступить дважды. Недостатки идеологии, неспособность советской правящей элиты ее своевременно модернизировать в соответствии с быстрыми изменениями внешних и внутренних условий явились едва ли не главным фактором крушения системы «раннего социализма» (термин Ф.Н. Клоцвога). У российского суперэтнуса и нарождающегося евразийского цивилизационного полюса не хватило интеллектуальных и духовных сил для совершенствования идеологии и новой институциональной системы и противостояния капиталистическому Западу.

Как объективные экономико-технологические тенденции, так и общие идеологические установки на единообразие приводят к тому, что малым этническим, конфессиональным, культурным группам не удастся надолго сохранить признаки своего суверенитета и независимости, свою культурную идентичность. Малые страны становятся взаимозаменяемыми частями общепланетарной экономической

машины. В Советском Союзе для сохранения малых наций и народностей разрабатывалась и проводилась специальная культурная политика, эта проблема реально учитывалась при планировании размещения производительных сил.

Человек – слишком сложное существо, его жизнь многогранна, многоаспектна. И люди сопротивляются, восстают против утраты своей особенности, неповторимости (Бодрийяр применяет слово «сингулярность»). Можно высказать следующую гипотезу. Уходящая эпоха была *эпохой единообразия*, новая будет эпохой признания важности культурного и духовно-идеологического *разнообразия* и осознания его ценности.

Сообщества и движения, определяемые культурой и традициями, оживляются и противостоят обезличивающим системам, стирающим их своеобразие. Этим можно объяснить оживление национализмов «невеликих» народов, не претендующих на создание мировых империй. Видимо, компромиссом между этими силами и силами интеграции (глобализации) на ближайшие десятилетия станет формирование нескольких «полюсов» силы и влияния на основе цивилизаций (по А. Тойнби), или суперэтнотетов (по Льву Гумилеву), а также системы отношений между ними – этических норм и правил, ценностей, смыслов, критериев оценки, международных институтов.

Национальные и региональные элиты, главная сила формирования периферийных цивилизационных полюсов, осознают необходимость укрепления духовно-идеологического единства народа как основы суверенитета и орудия противостояния экономическому и политическому давлению центра. Наиболее естественный и понятный путь – возвращение к традиционным, докапиталистическим задачам и ценностям. В основу объединяющей духовности неизбежно должны быть положены интересы большинства народа (элита в значительной части ориентируется на Запад) и принципы справедливости, т.е., по существу, *элементы социалистической идеологии*. Как

показал опыт СССР и современные попытки построить общества, альтернативные Западу, одной социалистической идеологии недостаточно. Идеологический фундамент оказывается достаточно прочным, только когда удается сочетание элементов социалистической идеологии с традиционной духовностью – национальной или религиозной.

1.5. Внешнеэкономическая открытость и автаркия крупных регионов

В господствующей сейчас идеологии глобализации важную роль играет требование внешнеэкономической и информационной *открытости*. Финансовая и экономическая открытость периферийных экономик, значительно более бедных по сравнению с западными странами, делает их беззащитными перед непредсказуемыми колебаниями спроса и мировых цен на товары и финансовые активы, перед «финансовыми цунами», которые определяются изменениями геополитических условий и непредсказуемыми изменениями политики западного центра и спекулятивных стратегий финансово-политических групп.

Эта непредсказуемость лишает периферийные экономики возможности выстраивать собственную суверенную стратегию развития (в частности, стратегию модернизации экономики, требующую разработки долгосрочного плана поэтапного изменения структуры хозяйства и общества), обрекают на роль вечных сателлитов западного сообщества, вынуждают постоянно реагировать на события, происходящие в развитых странах. Как выразился один мексиканский политик, имея в виду США, «очень неудобно спать в одной постели со слоном». К настоящему времени накоплен значительный теоретический задел и практический опыт, доказывающие, что возможно успешное функционирование экономических систем, базирующиеся на иной парадигме. Для этого, в частности, необходимо создать механизмы, обеспечивающие определенную степень суверенитета экономико-политиче-

ского комплекса, *разумной автаркии*. Защита внутренних товарных и финансовых рынков с помощью импортных и экспортных таможенных тарифов, ограничения вывоза и ввоза валюты и товаров должна быть признана вполне законным и часто не менее эффективным средством для развития отечественного и мирового производства, чем максимальная экономическая открытость. Ее необходимо считать важной частью национального суверенитета.

Кроме таможенных тарифов, квот и т.п. имеется такой важный регулятор, как валютный курс. С его помощью можно существенно воздействовать на активность внутренних производителей и внешних партнеров. Но это только один экономический параметр (одна степень свободы) в большой системе взаимодействующих внешнеэкономических регуляторов. С его помощью не решишь таких структурных задач, как стимулирование спроса на отечественную наукоемкую продукцию, исправление структуры агрокомплекса и т.д.

При технологических и экономических условиях современного мира ни одна страна (даже сверхдержава) не может обеспечить свою конкурентоспособность в одиночку. Поэтому будущее за региональными союзами или содружествами, обеспечивающими максимально прочные политические, идеологические, экономические взаимосвязи внутри таких союзов, и как результат, взаимное доверие, возможность планирования развития региона как единого хозяйственного комплекса. Речь может идти только об *автаркии крупных регионов*.

Перед элитами, формирующими современные (или будущие) полюса многополярного мира, стоят трудные задачи – создание единой идентификации в рамках крупного региона на основе общности экономических интересов, исторических традиций, близости языка и культуры. Чтобы участвовать в «большой истории», малые нации теперь должны понять свой политический и экономический суверенитет как выбор участия в том или ином наднациональном сообществе – цивили-

зационном. Они должны осознать исторические смыслы этой наднациональной общности как часть смысла своего собственного существования в истории, как часть своей борьбы и своих достижений. Надо осмыслить свою национально-освободительную борьбу против колониальных империй как борьбу против насильственного присоединения к чуждой цивилизационной общности, борьбу за справедливые отношения между народами, соответствующие человеческим и божеским законам и правилам жизни. Большинство наций сформировались в период подъема капитализма. Примерами для исторических аналогий могут служить отношения французских королей с графствами и герцогствами, опиравшимися на этническую идентификацию, которая первоначально была часто более реальной и действенной, чем приверженность Франции. Бургундия или Нормандия могли воевать совместно с англичанами против короля Франции. Тот же трудный процесс выбора этническими общностями и малыми народами возможностей соединения в большой народ с единой национальной культурой и государственностью мы знаем по своей российской истории.

В работах С.Ю. Глазьева (наиболее подробно в (Глазьев, 2015)) описана целевая (желательная и в то же время реалистичная) структура экономических и политических международных институтов, которая отвечает принципам справедливости и позволяет реализовать свой экономический потенциал как развитым, так и развивающимся странам. Предложены меры их изменения, необходимые для преодоления кризиса⁵. Фактически это международно-правовая часть новой идеологии.

⁵ С. Глазьев представил доклад Социалистическому интернационалу «Социалистический ответ либеральной глобализации» о мерах, необходимых для преодоления мирового кризиса. К сожалению, этот доклад не был опубликован.

1.6. Власть финансовой системы и власть государства

Важнейший процесс, радикально изменивший весь облик экономики в XX в., был связан с опережающим развитием финансового капитала перед капиталом промышленным (на современном языке – реального сектора). Многообразные виды ценных бумаг и механизмов их движения и обмена первоначально возникали как дубликаты, или отражения реальных форм производственного и непроизводственного капитала и имущества. Деньги и финансы были одной из подсистем системы управления производством и потреблением. Теперь они стали жить собственной жизнью, все больше обособляясь от сферы производства. Возникла «виртуальная» сфера богатства и рыночного оборота, где формула «деньги – товар – деньги» превратилась в формулу «деньги – деньги» (деньги делают деньги, минуя стадию превращения в товар).

Особенно быстро она стала нарастать в последние десятилетия за счет «изобретения» многообразных производных ценных бумаг (деривативов). Согласно количественным оценкам в настоящее время общая масса ценных бумаг, обращающихся на финансовых рынках (глобальная ликвидность), в 10 раз превышает мировой ВВП, а инструмент, с помощью которого государства пытаются эту массу регулировать – денежная база – в 10 раз меньше ВВП. Реальный сектор оказывается незначительной «добавкой» к живущему самостоятельной жизнью сектору финансовых услуг.

Экономические и финансовые компании по своему исходному назначению не обязаны отвечать перед народом. Их дело и их цель – только максимизация прибыли. *Государство* отличается от экономических, религиозных, криминальных и прочих корпораций тем, что оно по смыслу своего существования должно быть представителем народа, выразителем и защитником его интересов и будущего страны. Государство – единственная институционально оформленная сила, способная (хотя бы теоретически) противостоять финан-

совой системе в ее стремлении к господству над миром. Теперь многие транснациональные финансово-промышленные группы стали гораздо более сильными организациями, чем большинство государств. Государства в настоящее время – лишь один из видов организаций, действующих в социально-экономической сфере. И государство далеко не всегда способно противостоять финансовой олигархии, транснациональным корпорациям, мощным наркокартелям или сепаратистским террористическим организациям.

Однако государство – особый вид организации в обществе, которая получает поддержку и энергию от большинства народа и его элиты (если это государство соответствует своему предназначению). Одна из наиболее значимых линий конфронтации в новейшей истории – борьба за статус и роль государства: будет ли государство реальным представителем народа, выразителем интересов страны и ее экономики или инструментом в руках крупных корпораций и мировой финансовой олигархии?

Категория «*собственность*» утрачивает однозначность. Юридическая собственность – пакет конкретных правомочий. Из них выделяются те правомочия, которые определяют понятие «*контроль*». Этот круг отношений (более широкий, чем отношения юридической собственности) становится более актуальным и значимым. Чтобы деятельность экономической организации отвечала интересам страны и народа, вовсе не обязательно она должна быть юридически в государственной собственности. Это обеспечивается политическим и экономическим *партнерством* государства и корпораций, т.е. их всесторонним взаимодействием, учетом кратко- и долгосрочных интересов друг друга. По целям и мотивациям техноструктуры и по их эффективности частные и государственные корпорации не имеют существенных различий. Это неоднократно подчеркивал *Дж. Гэлбрейт*. На практике как частные, так и государственные корпорации чаще всего настроены достаточно патриотично и стараются соответствовать своей роли – слу-

жить опорой национальной экономики. Примеры высокоэффективного и плодотворного для развития страны взаимодействия имеются и в условиях государственной собственности на все крупные корпорации – СССР, и в условиях, когда большую часть даже оборонных и космических проектов выполняют частные компании, – США. Большее значение имеет не юридический фактор государственной или частной собственности, а политико-идеологическая установка руководящей группы компании.

2. ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКИ

2.1. О социально-политической структуре общества

На протяжении всей истории общество делилось на высшие слои, обладающие властью и богатством, оказывающие непосредственное влияние на исторические события (по определению Райта Миллса (Миллс, 1964), «властвующая элита»), и низшие, не обладающие этими возможностями. Этот разрыв временами обострялся до гражданских войн и угрожал разрушением морального фундамента общества. В мировых религиях, наиболее активно в христианстве, был выдвинут принцип равенства людей перед Богом, который был воспринят и универсальными идеологиями Нового времени. Однако, как показал исторический опыт, провозглашение *принципа равенства*, хотя и влияло, несомненно, положительно на развитие членов общества, было далеко не достаточно, пока этот принцип не развертывался в конкретную систему отношений между существенно различающимися в реальности слоями, группами, сообществами членов общества. В периоды относительно стабильного развития складывались обычно достаточно сложные структуры общества, определяющие место каждого

слоя или сообщества, его права и обязанности, законодательные и обычные, нормы морали и т.п. В книге В.Л. Макарова (Макаров, 2010) обосновывается целесообразность использования единого понятия для таких сообществ – *кластеры*.

Экономические факторы долгое время не выходили на главные роли в смысловой сфере и по значимости для жизни общества. Они заняли первое место только с возникновением в Европе в период позднего Средневековья *экономической цивилизации* (по Ю.М. Осипову (Осипов, 2000)), когда большая часть членов общества могла на протяжении своей индивидуальной жизни зримо улучшить свое материальное положение за счет законной экономической деятельности, не опасаясь набегов соседних племен или произвола деспотического государства. При этом богатство стало не менее значимо для социального положения, чем знатное происхождение. С развитием капиталистической системы сложная сословная система упростилась.

Общество распалось на два основных класса – класс капиталистов (собственники капитала) и рабочий класс (наемные работники). Главной причиной этого разрыва К. Маркс считал частную собственность на средства производства. В Советском Союзе эта причина была устранена. И действительно, общество стало гораздо более однородным по уровню потребления. Однако стали усиливаться различия и противостояния между управляющим слоем («бюрократией») и «простыми трудящимися». С переходом к постиндустриальному обществу выявляются новые проблемы в выделении основных классов или сословий и отношений между ними.

Вывод из анализа всего исторического опыта состоит в следующем. Различия между кластерами неустранимы. Необходимо признать существование устойчивых сообществ, различающихся своим положением и ролью в обществе, экономическими интересами, ценностями, этическими установками и традициями. А следовательно, следует признать и противоречия между ними. И надо ставить

задачу не их устранения, а *гармонизации* отношений между ними. Аналогично тому, как общество (и государство) учитывает своеобразие и интересы наций, этносов, конфессий, составляющих многонациональный и многоконфессиональный народ, и устраняет противоречия между ними, оно также может и должно регулировать условия жизни разных социальных слоев и сословий, направляя их энергию не на борьбу друг с другом, а на развитие всего общества. Это неизбежно означает и смену элиты (т.е. революцию!) или существенное преобразование ее целей, мотивов деятельности, представлений о нормальном, приемлемом общественном устройстве.

Наверное, самым важным и острым остается вопрос: возможен ли переход от современного (в основе капиталистического) социально-экономического устройства общества к предлагаемому (скорее социал-демократическому) – без гражданской войны, репрессий и других черт, которые в советское время признавались практически неизбежными атрибутами революции? По моему мнению, если силы, отстаивающие однополярный мир, будут ослаблены или блокированы, то такой оптимистический сценарий надо считать возможным. Основой для такой уверенности могут служить успешные примеры *частно-государственного партнерства* между крупными промышленными корпорациями и государством во всех странах, продемонстрировавших высокие темпы экономического роста. Такая возможность изучается и обосновывается в большинстве трудов великого экономиста Дж. Гэлбрейта. На протяжении всей своей научной деятельности он был убежденным сторонником *конвергенции капиталистической и социалистической систем*.

По определению, смысл социалистического учения есть признание того, что интересы и цели общего выше интересов его частей (*socialis* – общественный)⁶. Наиболее

⁶ Во многих интерпретациях социализма главной идеей этого учения считается идея равенства или справедливости. Однако это сужает его значение,

богатый опыт имеется как в досоветской, так и в советской истории России в отношении сословной организации общества, традиций и институтов, углубляющих понимание представителями сословий их роли в жизни страны, повышающих их духовную самооценку, укрепляющих систему нравственных норм и принципов. Для создания образа «идеального» общества важно, чтобы теоретически выверенное и ясное определение статуса и роли каждого кластера было зафиксировано в идеологии. Чтобы на это определение ориентировались политики, средства массовой информации, деятели искусства. Это, несомненно, способствует возникновению тех черт характера – «корпоративной» (сословной) этики каждого сословия, которые в совокупности есть главный фактор успешного развития всей страны. Именно благодаря интеллектуальной и художественной поддержке, всем понятны и привлекательны образы военного, бесстрашного защитника отечества, или разведчика, работающего в тылу врага, – людей, для которых долг и честь превыше выгоды и страха смерти.

России гораздо важнее создать привлекательный образ чиновника. Но пока это очень проблематично. Дело – в коррумпированности этого сословия. И не только. Проблема – в расколе нашей элиты на «патриотов» и «либералов-западников», которые держат свои деньги в иностранных банках, чьи дети учатся в Великобритании...

Аналогичные проблемы встают в отношении кластера крупных бизнесменов. Многие представители этого сословия достойны своих предшественников, чьими самоотверженными трудами создавалась российская промышленность в XVIII, XIX,

заранее привязывая его к признанию материального благосостояния высшей ценностью для человека. Более адекватное понимание – признание высшим смыслом идеи единства человечества, отказа от частной собственности и социального неравенства как институтов, раскалывающих общество на антагонистические классы.

начале XX столетия. Достояна памяти даже их честность («верное купеческое слово!»). В настоящее время обеспечить патриотическое единство высших слоев политиков и организаторов хозяйства, а также и доверия к ним народа – критически важная задача для страны. Однако формирование соответствующих кластеров, их сословной этики, доверия к ним большинства народа, видимо, будет длительным и негладким процессом.

Официальное введение кластерной (сословной) системы с государственным централизованным регулированием соотношений уровней доходов в разных кластерах может стать инструментом для мирного (без революции и гражданской войны) перехода к *обществу справедливости*. Для этого не нужно устанавливать равенство доходов собственников капитала и начальников с доходами подчиненных, наемных работников. Именно такое равенство воспринималось бы как несправедливое: круг обязанностей и ответственность начальника требуют намного более напряженного труда и дают гораздо больший результат, чем труд рабочего. Однако чувство справедливости не может мириться и с разрывом в уровнях доходов в сотни и тысячи раз.

Представления о справедливости в разных цивилизационных традициях существенно различаются. *Экономическая цивилизация* Запада воспринимает рыночный принцип распределения доходов как несомненный фундамент справедливости. Упрощая, можно сказать: если агент рынка, не нарушая закона, заработал миллиард долларов (будь то финансист в результате удачной спекуляции или ученый в результате научно-технологической инновации), он должен получить свой миллиард. Российская справедливость скажет по-другому: «Допустим, твое открытие или твоя рыночная операция принесли обществу миллиард долларов. Общество окажет тебе искреннюю любовь и уважение, назовет героем труда, ты должен получить доход много выше среднего, чтобы ни в чем не нуждаться. Но ты вовсе не должен получить весь миллиард в свое распоряжение. Боль-

шая его часть должна пойти в распоряжение общества»⁷.

Как правило, каждый большой социальный кластер (сословие) связан с тем или иным сектором социального обслуживания или отраслью производства. Поэтому соотношения их уровней доходов и материальных условий жизни определяются условиями развития соответствующих секторов и отраслей. (О развитии социально-экономических секторов и отраслей см. в следующем пункте.) Имеется положительный исторический опыт использования механизмов межсословной мобильности, а также официального установления «социальной лестницы» внутри сословия, кластера (военные чины, спортивные разряды, ученые степени) для выявления и стимулирования достижений и заслуг членов кластера перед обществом.

В работе (Макаров, 2010) рассматривается гипотеза о возможности регулирования межкластерных экономических отношений с помощью многовалютной системы. Соображения относительно введения в каком-либо виде системы социальных кластеров автор, очевидно, не рассматривает как вполне теоретически проработанное предложение. Его цель (как и цель настоящего раздела) – привлечь внимание ученых и политиков к этой проблеме, которая, по нашему мнению, заслуживает серьезного изучения.

2.2. План и рынок

В настоящее время в экономической науке господствует концепция, которую можно назвать рыночно-финансовой. Альтернативную парадигму обозначим как производственно-государственническую. Первую характеризует полное доверие к измерителям, которое формируется рынком, а главной целью экономической деятельности считается

⁷ Благодаря распространению социалистической идеологии налоговые системы западных стран восприняли это правило.

максимизацию таких показателей, как прибыль, денежно-финансовые ресурсы и т.д. Вторая требует подчинения ценовой и финансовой сферы задачам развития производства благ, имеющих реальную полезность.

Доминирование в мировой экономической науке рыночно-финансовой парадигмы является закономерным следствием победного шествия по миру в течение нескольких последних столетий экономической цивилизации и ее постепенного превращения в систему господства финансовой олигархии. Сейчас либералы-фундаменталисты фактически сводят смысл либеральных теорий к минимизации роли государства. Есть проблемы, которые рыночный механизм решить не может («провалы рынка»). Для их решения допускается участие государства в экономике. Когда речь идет о внутренних рынках, это ограничение монополизма и финансовая или ценовая поддержка агентов тех рынков, где более эффективными оказываются предприятия малых размеров (эффект масштаба отрицателен). Иными словами, роль государства – поддерживать механизм рынка в работоспособном состоянии.

Рыночный механизм (пусть самый конкурентный механизм, лишенный каких-либо изъянов) направляет экономику к максимизации объема производства, учтенного по рыночным ценам. Но является ли именно такой результат наиболее желательным для общества? Результат такого движения – также накопление губительных диспропорций (для России, например, топливно-сырьевая ориентация экономики, отказ от массового строительства дешевого жилья и т.д.).

С ростом концентрации и сложности производства теоретические аргументы, обосновывающие преимущества свободной конкуренции, теряют силу. Организация сложного производства требует усиления контроля над рынком, т.е. повышения степени его монополизации. Уровень монополизации в отрасли, а также число и средний размер предприятий и компаний – важнейшие факторы, определяющие ее финансовое положение и

средний уровень рентабельности. В капиталистической экономике наиболее интенсивно развивались те отрасли, где укрупнение предприятий повышает их эффективность (эффект масштаба и концентрации производства). В то время как крупнейшие корпорации в высокомонополизированных отраслях борются с государством за доминирующие позиции в руководстве экономикой и обществом, слабо монополизированные отрасли, состоящие из мелких и средних предприятий, сами нуждаются в поддержке со стороны государства (так, они часто попадают в ловушку, или порочный круг «бедность – неэффективность»).

Рынок является эффективным инструментом активизации экономической деятельности. Роль конкурентного рынка – отбор наиболее эффективных фирм, действующих в пределах одного сектора, сегмента рынка, где агенты рынка достаточно однородны (по их размерам, виду продукции, связям с государственными структурами), и стимулирование их в направлении повышения эффективности. Это в основном механизм внутриотраслевого управления.

Однако конкурентный рынок чаще всего неприменим для оптимизации пропорций развития между секторами, отраслями, регионами, сильно различающимися по размерам «населяющих» их фирм и организаций. Он плохо справляется также с задачами долгосрочного, стратегического развития. Определение межсекторальных и межотраслевых пропорций, приемлемых ценовых и кредитно-финансовых параметров – компетенция государства.

Если *государство* – представитель народа, если оно берет на себя ответственность за экономическое развитие страны, оно *должно определять роль, сферу и масштабы деятельности товарных, денежных и финансовых рынков и институтов* как важнейших инструментов управления экономикой. Для инвестиционной и инновационной активности хозяйственных единиц необходимы предсказуемость будущей динамики макропоказателей, стабильность институциональной

системы и *доверие к гаранту* декларируемой динамики. Только при условии такой стабильности, предсказуемости и доверия может быть реализован потенциал высоких темпов экономического роста. В мире финансового капитализма роль гаранта берет на себя денежно-финансовая система. Основным аргумент за независимость денежно-финансовой сферы, в частности центральных банков, от государства – неспособность и незаинтересованность правительства обеспечивать стабильность и предсказуемость денежно-валютных показателей, уровня внутренних цен и т.п., поскольку для правительства это только средства для решения более важных текущих политических проблем. Ту же задачу призван выполнять золотой стандарт национальных валют. Ряд экономистов, констатируя, что рынками золота и его мировыми ценами манипулируют узкие группы банковско-финансовой элиты, предлагают ввести мировую валюту, обеспеченную корзиной наиболее значимых для мирового рынка и однородных материальных ресурсов, таких как нефть, зерно, металлы (см., например, (Лиетар, 2007)).

Современный опыт (особенно последних десятилетий) свидетельствует, что центробанки периферийных стран становятся зависимыми от мировой конъюнктуры и внешних сил. Центробанки не могут обеспечить стабильность и предсказуемость. Условия функционирования рынков – не только рынков золота, но и мировых рынков массовых материальных ресурсов также, как и рынков финансовых и кредитных продуктов, – оказываются инструментами в руках монополистических групп, а также явных и скрытых политических сил для создания текущих проблем и их решения в своих интересах. Поэтому важным качеством экономических систем формирующихся региональных полюсов, обеспечивающих их привлекательность для инвесторов, должны стать декларируемые и специально поддерживаемые *стабильность и предсказуемость* ценовых и финансовых показателей – в отличие от резких колебаний ключевых параметров современной мировой

экономики (курсов валют, цен на топливно-сырьевые ресурсы и т.п.). Для формирующихся новых полюсов многополярного мира (в частности, для Евразийского Союза) такие условия может создать только разработка перспективного плана, гарантом реализации которого выступает государство. Именно такая установка характеризует экономическую политику современного Китая.

Каждый сектор экономики также, как каждый регион крупной страны, имеет свою многофакторную специфику. Развитие различных секторов имеет разную значимость для страны, для народа, для мировой экономики. Оценка этой значимости не может быть отдана рынку. Государство совместно с крупнейшими финансовыми и промышленными компаниями должно отвечать за поддержание необходимых финансовых и ценовых пропорций между секторами и сегментами экономики, за создание нормальных условий деятельности малых и средних фирм и предприятий, предусматривать возникновение инфраструктурных проблем и т.д.

Мейнстрим экономической теории базируется на парадигме (которую многие теоретики считают очевидной или даже «доказанной»), что механизм рыночной конкуренции – единственный, позволяющий получить рациональные ценовые соотношения и направить экономическую активность общества к повышению эффективности. Государство выполняет только небольшое число специальных функций, которые не может выполнить рынок (регулирование денежной массы, руководство естественными монополиями и т.п.). В большинстве случаев правительство только вносит «субъективные» искажения в работу этого «объективного» оптимизирующего механизма. Причина такого состояния экономической теории состоит в том, что на протяжении нескольких последних столетий изучалась и совершенствовалась именно рыночная капиталистическая система. Аналогичная работа в отношении нерыночных (плановых и «командно-административных») методов и механизмов управления велась

практически только в странах социалистического содружества в течение нескольких десятилетий. Несомненно, предстоит долгий путь теоретического освоения и экспериментального опробования методов государственного руководства экономикой, а точнее, систем симбиотического сочетания государства и рынка. Соответственно должна смениться и базовая парадигма. Можно ожидать, что такая работа откроет гораздо более богатый потенциал стимулирования и «овладения стихией» экономической активности со стороны общества и государства по сравнению с хорошо отлаженным и теоретически освоенным сейчас рыночным механизмом.

Наиболее последовательным (а можно сказать, и экстремальным, устраняющим рынок) осуществлением государственного управления экономикой была советская плановая система, где ценовые и финансовые условия функционирования каждой отрасли производства, параметры перераспределения финансовых и материальных ресурсов между социально-экономическими секторами и отраслями производства пытались формировать исходя из общего для всего хозяйства плана развития (долгосрочного и пятилетнего) и ежегодно корректировать. В СССР же была продемонстрирована и система сочетания рыночных механизмов с государственным руководством экономикой – экономика нэпа, которая стала фактически первым экономическим чудом XX в. Опыт нэпа в XX в. использовался большинством стран, преодолевавших тяжелый кризис (в США при Ф. Рузвельте), послевоенную разруху (Франция, Япония) и достигших высоких темпов экономического роста (Китай, Южная Корея). В послевоенные десятилетия во Франции, Японии, Южной Корее государство разрабатывает пятилетние индикативные планы (обычно с использованием моделей на основе матриц межотраслевого баланса). Затем планы уточняются путем переговоров и фиксируются с помощью соглашений и контрактов с промышленными группами, отраслевыми («профессиональными») ассоциациями предпринимателей и

менеджеров, банками, профсоюзами. Этот опыт нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении, развитии и широком использовании.

В самом Советском Союзе в силу ряда исторических причин экономика нэпа была заменена командно-административным механизмом управления. После этого рыночный механизм почти не использовался. Это стало причиной формирования серьезных негативных черт советского хозяйственного механизма («экономика дефицита»). В Российской Федерации в 2014 г. принят закон «О государственном стратегическом планировании». В.М. Полтерович (Полтерович, 2014) предлагает в качестве основы органа, отвечающего за разработку планов, создать сеть региональных агентств развития. В последние десятилетия сети таких агентств созданы в большинстве стран со значительной территорией.

Основным механизмом выявления предпочтений общества (возможно, отличающихся от предпочтений рынка) и направления инвестиций на удовлетворение соответствующего им спроса может стать система *проектной экономики* (Макаров, 2013). Ее отличие от рыночной системы состоит в «переключении» внимания общества с тех благ и проектов, которые наиболее эффективны (выгодны) с точки зрения рынка, на те блага, которые предпочтительны для общества и его членов. Для такого переключения надо создать специальную проектно-конструкторскую службу (или целый «сектор производства проектов»), задача которой – прорабатывать, давать оценку, отбирать проекты, не только обещающие высокую рыночную прибыль, но и более широкий круг проектов, важных для общества. Инициатором и заказчиком их проработки в первую очередь станет, видимо, государство. Но могут стать и любые другие организации, группы, физические лица. Ключевую роль должна играть сама система (сеть) проектно-конструкторских организаций (бюро), которая накапливает опыт прогнозирования, экспертизы, оценки полезности и эффективности проектов и их окончательного отбора.

Создание проектной экономики может сыграть основную роль в конструировании рационального сочетания открытости и автаркии регионов, а также рынка и государственного участия в экономике.

2.3. Роль России

Современная политика глобалистов навязывает идеологический и политический диктат США под видом единства, причем навязывает часто насильственными методами (вплоть до военных), что на деле ведет к разъединению мира, к противостоянию одних стран другим. В российской культуре и духовности накоплен важный для развития всего человечества потенциал взаимопонимания и сотрудничества наций и конфессий. Россия может и должна представить миру образец преодоления общественных противоречий и расколов:

- примирение «красных» и «белых» (преодоление разрыва времен);
- поиск эффективного согласования установок государственников и либералов-антигосударственников;
- создание духовности, стимулирующей сотрудничество верующих и атеистов;
- сближение традиционных религиозных и этических учений.

Военные расходы США превосходят сумму военных расходов всех остальных стран мира вместе взятых. Возможно, предстоит продолжение периода региональных войн с участием войск США и НАТО, подобных тем, которыми отмечено все начало XXI в. Но главной войной XXI в. будет война идеологий. И у России есть шанс стать победителем и одним из мировых лидеров. Она может представить миру идеологию *общества правды и справедливости*. После идеологического наступления коммунистической и советской идеологии в 1920–1960-е гг. капиталистический центр перешел в идеологическое контрнаступление. Советскому Союзу не удалось своевременно обновить свой идеологический фундамент,

не помог и защищавший его «железный занавес». Сейчас, похоже, наступает период, когда Америке придется защищаться «железным занавесом» контролируемых СМИ от антиамериканизма, который грозит подорвать идеологическую крепость «самой демократичной и преуспевающей страны мира».

Россия как один из главных субъектов истории последних столетий, несомненно, имеет достаточный потенциал, чтобы стать самостоятельным полюсом, а может быть, и одной из вершин геостратегического треугольника, определяющего направление исторического развития в течение нескольких десятилетий XXI в. (США – Китай – Россия). Роль и предназначение России в мире, ее миссия – воспринять и воплотить достижения духовности Запада и Востока, Европы и Азии, осуществить их синтез, продемонстрировать образец невраждебных, дружеских отношений. И Россия долгое время выполняла эту миссию: показать Востоку, что ценны не только традиция, но и прогресс; Западу – что к экономическим успехам ведет не только свободное предпринимательство, но и государственное руководство экономикой и т.д. – перечислять можно долго. Вместо поисков «национальной идеи» России надо признать, что главным символом возрождающегося полюса в многополярном мире может стать идея *евразийства*.

Институциональной базой консолидации общества и повышения эффективности экономики мог бы стать *сам процесс* (и созданный для этого постоянный институт) *разработки государственного плана* (или системы годового, средне- и долгосрочного планов). Цель такой работы состоит в том, чтобы крупнейшие экономические организации (включая банки и ассоциации, представляющие малый и средний бизнес), а также представители политических сил по возможности ясно представили себе вероятные сценарии развития экономики и общества, выявили и сформулировали свои наиболее острые проблемы и меры (или реформы), необходимые для их преодоления. Следующий этап работы будет

закключаться в согласовании представлений, целей и предпочтений различных секторов экономики и социальных слоев и выработке скоординированной программы экономического развития (включающей, если нужно, элементы реформирования)⁸. Результатом такой работы будет определение тех секторов экономики, которые функционируют по законам свободного рынка, и тех, где действуют заранее согласованные плановые цены и взаимные обязательства государства и компаний.

В современной России, учитывая высокий уровень доверия к президенту, несомненно, высшим арбитром при разработке плана и гарантом его реализации будет государство. Надежду на своевременность и успех предлагаемого процесса дает потенциал доверия, накопленный за годы частно-государственного партнерства государства с крупными корпорациями и банками.

Литература

- Айвазов А.* Россию ждут тяжелые времена // Развитие. 2015. № 2 (19). URL: devec.ru/ezh-razvitie.html.
- Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф.* Эволюционная теория: освоение последовательности геоклиматических зон. Прогнозы на будущее // Экономические стратегии. 2007. № 1.
- Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф.* История. Кризисы. Перспективы. Новый взгляд на прошлое и будущее. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
- Волконский В.А.* О природе кондратьевских «длинных волн» // Экономика и математические методы. 1992. Т. 27. Вып. 2.
- Волконский В.А.* Многополярный мир. Идеология и экономика. М.: Книжный мир, 2014.
- Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.
- Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
- Глазьев С.Ю.* Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на экономическое чудо. М.: Изд. дом «Экономическая газета», 2011.
- Глазьев С.Ю.* Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? М.: Книжный мир, 2015.
- Литетар Б.* Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру. М.: Олимп: АСТ: Астрель, 2007.
- Макаров В.Л.* К вопросу о проектной экономике // Экономическая наука современной России. 2013. № 3.
- Макаров В.Л.* Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас, 2010.
- Миллс Ч.Р.* Властвующая элита. М., 1964.
- Оситов Ю.М.* Экономическая цивилизация и научная экономия. Экономическая теория накануне XXI века. М.: Юрист, 2000.
- Полтерович В.М.* Куда идти: двадцать четыре тезиса // Экономическая наука современной России. 2014. № 3.
- Уайльд О.* Душа человека при социализме. М.: Дилетант, 1907.

Рукопись поступила в редакцию 12.02.2015 г.

⁸ При этом могут быть использованы теоретические наработки по изучению и описанию процессов прогнозирования и оценки научно-технических и общественных перспектив (с участием научных и политических экспертов) в рамках проектов форсайт.